
И. А. БОКАЧЕВ, И. И. НЕЗНАМОВА

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ
КОНСТАНТЫ ИЗМЕРЕНИЯ
АГРЕССИВНОСТИ НОМО SAPIENS**

В статье с позиций социальной философии рассмотрены пространственно-временные константы измерения агрессивности человека. Пространственно-временной континуум при этом осмысливается авторами как важный принцип, как условие восхождения философского знания на уровень концептуально-методологической системы.

Ключевые слова: человек, агрессивность, насилие, жестокость, пространство, время, сознание, культура, духовность.

Проблема человека – одна из основных, если не центральная во всей мировой гуманитарной мысли. Еще один древний мудрец сказал, что для человека нет более интересного объекта, чем сам человек. Д. Дидро считал человека высшей ценностью, единственным создателем всех достижений культуры на Земле, разумным центром Вселенной, тем пунктом, от которого все должно исходить и к которому все должно возвращаться. Не менее возвышенные слова мы находим у У. Шекспира, который устами Гамлета говорит: «Что за мастерское создание – человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличиях и движениях! Как точен и чудесен в действиях! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего Бога! Краса Вселенной! Венец всего живущего!»

Как здорово сказано! От таких слов, говоря образно-аллегорическим языком, дух захватывает. И, по-видимому, именно такие слова в свой адрес хотелось бы постоянно слышать каждому здравомыслящему человеку. Ведь это сказано о нас с вами, о человеке – единственно разумном существе на планете Земля. Но стоит только выйти за рамки сферы возвышенного романтизма, как человек перед нами предстает уже, к сожалению, в качестве далеко не завид-

Философия и общество, № 4, октябрь – декабрь 2013 80–99

ного существа. Вот только некоторые из современных характеристик человека, заключенных в наукообразную оболочку: человек – вид исчезающий; человек исчезает как ценность; человек заболевает и умирает как антропологическая данность; человек растворяется как творец истории; из индивида вытравливается божественное начало; элиминируется автономность индивидуальности; появляется индивидуум – человек делимый; человека впору заносить в Красную книгу. Одновременно в научной литературе весьма активно утверждается мысль о том, что уже в ближайшее время должен появиться новый «постчеловеческий» вид – антропоид, гуманоид, техноид, мутант, биокиборг, киборг, шизо-существо, человек-консьюмер и т. п. Сегодня, настоятельно рекомендует С. А. Смирнов, «мы должны уже говорить не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек – лишь один из видов, причем уже уходящий»¹.

Нам представлена достаточно категоричная и в то же время весьма рискованная гипертрофированная реакция на осмысление экзистенциальных основ человека и его бытия, попытка представить человека и всех нас в качестве существ, выполнивших свою миссию на этой планете и готовых вернуться в свое первоначальное состояние. Между тем до сих пор даже не найдено утвердительного ответа на, казалось бы, простой кантовский вопрос: «Что такое человек?», а также на такие жизненно важные вопросы: «Каковы Природа и сущность человека?», и, говоря словами Франческо Петрарки, откуда он (человек) пришел и куда направляется?

На первый взгляд все это кажется до смешного простым: кто же не знает (пусть даже интуитивно, хотя бы поверхностно, на житейском уровне), что такое человек?! Однако то, что нам ближе всего, то, с чем мы будто знакомы лучше всего, на деле оказывается самым сложным объектом познания.

Речь идет о человеке, который выступает в качестве не только объекта, но и субъекта познания, то есть пока «...нет иного способа работы с сознанием, кроме вопрошания его о нем самом»². Следует

¹ Смирнов С. А. Антропология перехода. – Новосибирск, 2004–2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://antropolog.ru/doc/persons/smimov/smimov2>

² Ардаков А. А. Сознание в онтологиях антропного принципа // Вопросы философии. – 2008. – № 1. – С. 45.

прямо сказать, что хотя в человеке уже многое осмыслено (и конкретно-научно, и философски), в самой человеческой сущности (имеется в виду сущность не первого, а более глубинного порядка) еще остается немало загадочного и невыясненного.

Это и понятно: человек, как было сказано выше, – это вселенная во Вселенной. И в нем не меньше тайн, чем в мироздании. Более того, человек – это главная тайна мироздания. И если мы говорим о неисчерпаемости познания материального мира, то тем более неисчерпаем для него человек – венец творения природы. Загадочность этого феномена становится тем больше, чем больше мы пытаемся в него проникнуть. И тем не менее бездна этой проблемы не только не отпугивает исследователей, а, напротив, как магнит, все сильнее притягивает к себе.

В ряду антропологических проблем в последнее время самыми дискурсивными, пожалуй, являются проблемы девиантного поведения человека, которые все более отчетливо проявляются в росте его агрессивности. Не единичными являются и случаи современного «варварства и дикости». Даже давно канувшие в Лету пиратство и рабство становятся нормой жизни не только отдельных людей, но и даже целых народов. По-видимому, не случайно Л. Тайгер еще на исходе XX в. писал: «На вопрос, в какое время мы живем, можно дать однозначный ответ – в эпоху сверхнасилия. Оно витает повсюду в современном мире, проникает во все поры общества: в политику, экономику, науку, культуру»³.

О возросшей агрессивности со стороны человека в последнее время много пишут, а еще больше говорят. Однако до сих пор наука, в том числе и философия, не определилась с важнейшими теоретико-методологическими положениями относительно данного явления. Одни агрессивностью называют «склонность существа преодолевать сопротивление окружающей среды для достижения своих целей»⁴. Другие, не проводя различий между понятиями «агрессия» и «агрессивность», считают, что «агрессия – любая форма поведения, которая нацелена на то, чтобы кому-то причинить физический или психологический ущерб»⁵. Не имея целью анализ

³ Tiger L. The Manufacture of Evil. – N. Y., 1997. – P. 125.

⁴ Веллер М. И. Все о жизни. – СПб., 2005. – С. 639.

⁵ Белокопытов В. В. Агрессия как форма девиантного поведения: теоретический анализ // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 6. – С. 353.

данных определений, в качестве рабочего определения агрессивности в нашем случае предлагается следующее: агрессивность – это мотивированное (немотивированное) поведение (действие) личности, которое противоречит общепринятым нормам нравственности, в ходе которого человеку (обществу) причиняется физический, моральный, психологический и даже материальный ущерб.

В связи с этим зададимся вопросом: чем же вызван очередной всплеск агрессивности человека? Что это – природа человека, соответствующие социальные условия, издержки воспитания, влияние техногенной цивилизации? А может быть, и то, и другое, и третье, вместе взятые? В современной науке на сей счет мнений столько же, сколько и авторов. Наиболее популярными среди них представляются биологизаторские, психологизаторские, социологизаторские, технократические, постмодернистские и многие другие подходы и взгляды на эту проблему. Особого внимания, как одни из самых распространенных, заслуживают технократические воззрения. Их авторы считают, что развитие современных высоких технологий, в том числе сенсорных технологий и систем, может привести к появлению на свет «постчеловека», которого британский ученый У. Дэй назвал «Человек Омега». По мнению его соотечественника А. Бери, этот человек, возможно, будет существовать как робот в двух модификациях, каждая из которых будет обладать интеллектуальными способностями. Один тип роботов при этом окажется лояльным и даже доброжелательным по отношению к человеку, а другой будет творить насилие, сеять зло и измену. Английским ученым вторит и наш соотечественник, один из специалистов по данной проблематике П. С. Гуревич. По его мнению, под воздействием высокотехнологических ресурсов возникает новая форма жизни, не исключается возможность превращения человека в киборга⁶.

В связи с этим несколько слов следовало бы сказать о самом понятии «постчеловек», которое, по нашему мнению, вызвано к жизни постоянно расширяющимся кругом таких понятий, как постиндустриальное общество, постмодерн, постнеклассическая наука, постсовременность и т. п. В контексте этих терминов даже

⁶ См.: Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 19–25.

предпринята попытка дать определение понятию «постчеловек». По мнению Л. Е. Моториной, постчеловек «представляет собой некий концептуальный конструкт, содержание которого обусловлено теми чертами, которыми характеризуется жизнь человечества (равно как и отдельного человека) в современную эпоху, включающую в себя неклассический и постклассический периоды»⁷. В то же время постчеловек рассматривается и как тот, «кого еще нет, потому что он – на подходе, и какими путями к нам подходит постчеловек (или же мы к нему) – это и есть единственное, что о нем реально известно»⁸.

Но даже если допустить, что постчеловек, о котором так много пишут, может появиться, то это вполне можно считать отдаленной перспективой, о чем еще, возможно, не раз скажут футурологи. Кроме того, приход в нашу реальность киборга или других ему подобных существ вовсе не означает, что они обречены нести с собой только зло, поскольку насилие и жестокость появились не только с развитием нано- и других высоких технологий. Эти явления, как известно, уходят своими корнями в глубь веков, даже тысячелетий, когда о подобного рода технологиях не могло быть и речи. Случайно ли уже Сократ и многочисленная плеяда его учеников и последователей вопросы этики рассматривали через призму борьбы добра со злом? О пределах добра и зла в своих сочинениях писал Цицерон и многие другие мыслители древности.

Не менее противоречивыми являются измышления и представители биологизаторского направления, которые считают, что агрессивность и насилие присущи человеку априори, изначально. Они якобы составляют его неизменную природную сущность. По мнению биологов, у агрессивности, проявляемой человеческими индивидами и объединениями, весьма длинный, исчисляемый многими миллионами лет эволюционный «след». В постоянной борьбе человек, вопреки своей сущности (гуманного существа), приобрел такие качества, которые в процессе длительной эволюции стали неотъемлемой частью его генетики. Для человека режим

⁷ Моторина Л. Е. Исторические основания и смысловые границы понятия «постчеловек» // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. – № 3. – С. 5.

⁸ Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергической антропологии // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 17.

войны более традиционен, глубже укоренен в эволюции и требует весьма длительных и витальных мотивов, которые «не видны на поверхности вещей». В каждой конкретной ситуации работают скрытые невидимые механизмы, которые в определенных условиях могут сублимироваться в агрессию. При благоприятных условиях внешней среды механизмы агрессии находятся словно в дремлющем состоянии. И в то же время они всегда «наготове», «настороже», способны «включиться», «вторгнуться», «возродиться». Любая сколько-нибудь крупная ломка, вызываемая быстрыми трансформациями истории, всегда таила в себе потенциальную опасность достаточно массовых выбросов агрессии, насилия и жестокости⁹. Трудно отрицать и тем более считать несостоятельными подобного рода утверждения. Тем не менее сегодня, и так было всегда, значительное количество ученых склоняются к мысли о том, что «...человек не имеет собственной фиксированной природы. Люди рождаются пластичными и в ходе социализации оказываются предельно разными»¹⁰. По мысли Вольтера, каждый из нас видит человеческую природу сквозь призму той роли, которую он играет в социальной или культурной жизни. Первоначально человек, которого Э. Фромм определял экзистенциально, через определенный способ его существования, вообще не был хищником. Разрушительное в нем – это «благоприобретение» истории.

Подобный экскурс можно провести и относительно мыслей, высказанных представителями других научных направлений, хотя, надо отдать им должное, на определенном этапе общественного развития все они сыграли позитивную роль в осмыслении сущностных основ человеческой природы. Здесь нелишне будет напомнить, что каждая новая историческая эпоха рождает и новые социальные условия, в которых живет человек. Особенно это важно учитывать в связи с тем, что сегодня идет активный процесс самореференции и аутопойезиса, переосмысления природы сознания

⁹ См.: Репин В. С. Эволюция в свете системной биологии // Вопросы философии. – 2010. – № 11. – С. 37–45; Мотрошилова Н. В., Репин В. С. Проблемы цивилизации и варварства в свете междисциплинарного диалога философии и биологии // Вопросы философии. – 2010. – № 11. – С. 54.

¹⁰ Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 26.

и внутреннего мира человека, физических и духовных возможностей его организма. С полным основанием можно говорить как о самоочевидной и актуальной проблеме и о кризисе личностной аутентичности, который в большей мере проявляется в связи с нарушением целостности и гармоничности экзистенциально-бытийственных связей человека с окружающим его миром.

И в этой связи особенно важным представляется междисциплинарный диалог между исследователями. В противном случае мы вновь будем говорить, что гора родила мышь, а завершится изучение проблемы, как это часто бывало, высказыванием мнений о мнениях, в то время как мировоззренческая база как отставала от реального положения дел, так и далее будет оставаться слабой, не способной обеспечивать проведение конструктивных исследований возросшей агрессивности человека.

В основе наших представлений о проблеме лежат пространственно-временные критерии оценки нарастания меры агрессивности человека. Человек – существо пространства и времени. Он творит и созидает в определенном жизненном мире, рождается и умирает в определенном пространстве и в определенное время. Даже уходя в мир иной, человек остается в пространстве, а надпись на надгробии говорит о времени его жизни. Время и пространство являются неотъемлемой частью жизни человека, его внутреннего, духовного мира. Даже сознание человека наделено некоторыми пространственно-временными характеристиками. Еще в 70-х гг. прошлого века У. Матурано и Ф. Варела в работе «Аутопозэ» писали, что, например, время принадлежит к числу тех объектов, с помощью которых можно дать количественную характеристику процессов, проходящих внутри нас, в нашем сознании. А по мнению М. К. Мамардашвили, сознание есть некий сверхчувственный интервал или какой-то ритм¹¹.

Все процессы и явления, которые происходили когда-либо, происходят или будут происходить, объективно обусловлены пространственно-временными рамками. Главным действующим лицом пространства и времени всегда был, есть и будет человек. Он всегда находится по ту или другую сторону истины и лжи, бытия и небытия, добра и зла, здесь проявляется его релевантность, реа-

¹¹ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М., 1992.

лизуются экзистенциальные основы, здесь перед ним открывается жизненный мир со всеми его пороками, проблемами и трудностями. Пространство и время самым непосредственным образом влияют на характер поведения и самовыражения человека: в них, как в зеркале, отражаются его открытость и незавершенность как живого существа. Они являются своего рода индикаторами не только природной сущности человека, но и его агрессивности.

Подтверждение тому – вся история человечества, которая предстает в качестве арены сплошной борьбы человека за расширение среды своего обитания, усиление своего влияния на окружающий мир. Какими бы политико-дипломатическими инсинуациями ни были закамуфлированы истоки и причины тех или иных войн, военных конфликтов, практически все они преследовали одну и ту же цель – захват чужих территорий, поиск источников новых полезных ископаемых, приобретение дополнительных средств для своего существования (выживания как вида). Доподлинно известно, что только за 3400 лет записанной истории по вине человека произошло 14 530 войн. Все это время люди жили в мире всего лишь 234 года.

Не лучше обстоит дело и в настоящее время. Наша эпоха – это эпоха, когда завязываются многочисленные, в том числе трагические, узлы истории. Мы находимся на крупнейшем цивилизационном изломе. Нами сегодня движут, а во многом и управляют события самого разного толка – техногенные катастрофы, землетрясения, цунами, скорости информационных потоков. Человечество постоянно находится под влиянием таких отрицательных факторов, как: невиданные ранее миграционные потоки, потеря качества и ценности жизни, экологические проблемы, демографический взрыв в одних странах и депопуляция в других и т. п. Цивилизация становится похожей на корабль без рулевого, который теряет свою маневренность и неудержимо мчится к катастрофе (А. Швейцер). Наша эпоха – это эпоха «...глубочайшего безверия, скепсиса, духовной разочарованности и охлажденности»¹².

Сегодня человек в своем жизненном пространстве под воздействием объективных и субъективных факторов испытывает еще

¹² Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С. 17.

большой дискомфорт, чем это было до сих пор. Рост населения Земли говорит о переломе, который наступил во всемирно-историческом процессе. Известно, что в начале нашей эры на Земле проживало примерно 275 млн человек, а спустя немногим более двух тысяч лет население увеличилось в 25 раз. При этом важно иметь в виду, что если население Земли увеличивается в геометрической прогрессии, то продукты питания – в арифметической. Уже в настоящее время на Земле насчитывается 925 млн человек, живущих в голоде и нищете. В преддверии очередной годовщины Всемирного дня продовольствия (16 октября) генеральный директор Продовольственной сельскохозяйственной организации ООН Жак Диуф заявил, что каждые шесть секунд в мире от голода или болезней, с ним связанных, умирает один ребенок. Проблема голода по-прежнему остается самой большой трагедией человечества.

О том, что нашей планете из-за перенаселения грозит голод, уже предупреждали эксперты Американской ассоциации содействия развитию науки. По их прогнозу, к 2050 г. население Земли может превысить девять миллиардов, и тогда люди вынуждены будут сражаться за пищу, проявлять свою агрессивность в массовом масштабе. И можно сказать, что современное общество находится в положении человека, носящего ботинки на два размера меньше. По расчетам П. Эрлиха, уже в ближайшем будущем на каждого человека придется всего лишь 1 м² земли. Пусть даже на подсознательном уровне, но все это не проходит бесследно для человека – отражается на его психике, поведении, вызывает дополнительную раздражительность, нервозность и даже агрессию. Не поэтому ли человеческая жизнь, которая всегда была бесценной, в настоящее время оценивается в рублях, долларах и т. д.?

Проблемой проблем становится истощение природных ресурсов. В докладе, подготовленном WWF, Лондонским зоологическим обществом и научным центром Global Footprint Network, отмечалось, что в последнее время люди стали тратить в два раза больше ресурсов, чем за последние 50 лет. Таким образом, потенциал планеты может быть исчерпан к 2030 г. Если люди в ближайшие годы не изменят образ жизни, им потребуется дополнительная планета, чтобы выжить, предупреждают специалисты.

Весьма заметный след в сознании человека оставляют разительные климатические изменения. Под влиянием глобального по-

тепления уже сегодня многие островные территории Океании, где веками, тысячелетиями жили аборигены, уходят под воду, подвергаются опустошительному воздействию природных стихий. Люди вынуждены покидать насиженные места и искать спасения на материковой части суши, уплотняя население Земли и сокращая географическое пространство обитания человека. Неуверенность в завтрашнем дне, а в некотором смысле слова и бессилие человека перед природой еще больше инициируют психические эксцессы в сознании и поведении людей. Многие явления при этом не поддаются объяснению, поскольку происходят они как на бессознательном, так и на подсознательном уровне. Возможно, мы возвращаемся к тому времени, когда на заре человечества групповой и индивидуальный виды агрессии были одним из важнейших инструментов в борьбе за место под солнцем.

Особо следует сказать о миграционных потоках. Сегодня они охватили все страны и континенты и достигли небывалых размеров и темпов перемещения огромных масс людей. В результате меняется складывавшийся веками облик стран и народов, их населяющих, существенные трансформации претерпевает инфраструктура основных сфер жизни общества: политика, экономика, социальная и духовная сферы жизнедеятельности человека. Коренное население нередко чувствует себя «обделенным», «урезанным» в реализации своих прав и возможностей, зачастую оно оказывается в положении изгоя на своей родной земле. Это усиливает агрессивность людей, их нетерпимость к себе подобным, к их вере и культуре. Миграция меняет характер, стиль и способ группового мышления, его отношения к фундаментальным ценностям, к культурным основам, коренным образом изменяет логику восприятия социальной жизни. Существенные изменения претерпевают основания и структура ментальности. Эмигранты проникают в чуждую им этническую среду, подвергая ее существенной деформации.

Не менее сложные процессы и явления, отражающие возрастание агрессивности человека, происходят в духовном и культурном пространстве. Это пространство никогда не было беспроблемным: за него всегда боролись различного рода общественные и политические силы, религиозные деятели и государственные институты. Это пространство всегда включало в своем построении «вертикаль», раз-

деляющую сакральное и низменное, возвышенное и обыденное, «земное и небесное», «верх и низ» (терминология М. М. Бахтина), «добро и зло».

В последнее время мы много говорим о таких неотъемлемых компонентах духовного и культурного пространства, как духовность и бездуховность, культура и бескультурие. Духовность и культура зачастую предстают в настоящее время лишь в качестве декоративной обертки, в которую все так же коварно завернута адская машина минувшего техновека.

Время настоятельно требует экологизации самой культуры, очищения ее от всего того, что несовместимо с сущностью человека, с его духовностью. Подлинная культура не может быть бездуховной, неэкологичной, жестокой. Однако искусство, средства массовой информации как важнейшие составляющие культуры могут нести как добро, так и зло, как развивать, очищать, экологизировать духовный мир человека, так и загрязнять, разлагать, убивать его разного рода антикультурным суррогатом, информационными ядами, навязывая ложные ценности, формируя искаженное, болезненное мировосприятие. Именно об этом в свое время говорил отечественный мыслитель, ученый Д. С. Лихачев. Он был первым в научном мире, кто предложил различать традиционную «биологическую» экологию и экологию «культурную», делая при этом акцент на роли памяти, духовной преемственности, всего того, что связано с прошлым. «Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение экологии культурной»¹³.

Безусловно, информационно-культурному пространству России серьезную угрозу несет и целый ряд других факторов: некритическое заимствование извне и насильственное внедрение экономических, политических и культурных моделей, интенсивные модернизационные процессы, разрушение базовых ценностей христианской культуры и экспансия нетрадиционных религий, манипулирование общественным сознанием с помощью СМИ, целенаправленное навязывание асоциальных и противоправных эталонов, стилей жизни и поведения человека, которые ставят российскую культуру перед

¹³ Лихачев Д. С. Раздумья. – М., 1991. – С. 201–202.

сменой идентичности. Под влиянием всего этого современная культура заметно «поблекла и полиняла» (И. Д. Кобзон). Ее коммерциализация привела к существенной деформации и адаптации к цивилизации и «под нее», что самым негативным образом сказывается на основных социальных функциях культуры, – при полном игнорировании экологических функций культуры, связанных с сохранением духовно-нравственной устойчивости общества, удержанием от распада и разложения его основных духовно-нравственных ценностей.

Все это подтверждает мысль о том, что информационно-коммуникативные процессы при определенных условиях могут таить в себе опасность, представлять реальную и все возрастающую угрозу для развития личности и общества. Деструктивное воздействие на сознание со стороны СМИ, направленное на разрушение существующей иерархии ценностей, приводит к кризису социокультурной идентичности личности и общества. Этот кризис сопряжен с тем, что привычные нормы, ценности утрачивают свои границы и свою значимость. В результате происходит коренная ломка стандартов поведения, искажение каузальных схем, что воспринимается массовым сознанием как утрата идеала, как полная деструкция когнитивных оснований духовно-нравственной сферы жизни современного общества. Интеллектуальная примитивизация, рост ненормальности и эгоизма постоянно расшатывают общественное сознание, ведут к развалу социальной структуры. Определяющим принципом жизни индивида в таком случае становится положение «Каждый сам за себя». Уничтожение духовности, духовных оснований ведет к ликвидации нравственных ограничений и – как следствие этого – к нравственной деградации духовного и культурного пространства.

Суть изменений духовной ситуации еще в XX в. достаточно полно и всесторонне выразила М. Цветаева: «Нет низких истин и высоких обманов, есть только низкие обманы и высокие истины». В настоящее время не может быть истинным то, что безнравственно, а оправдание насилия самыми благими целями и намерениями приводит к торжеству насилия и зла, к саморазрушению и самоуничтожению.

Начало человеческого в человеке связано не только с его человеческой природой, но и прежде всего с семьей. Современный кри-

зис социокультурного развития общества и кризис, переживаемый семьей, взаимообусловлены. Это объясняется тем, что семья рассматривается как некое культурное пространство, в рамках которого человек формирует социальные отношения и раскрывает свои сущностные силы.

Семья определяет эмоционально-психологическую атмосферу поведенческих актов своих членов, элементов их культуры и представляет собой своеобразный менталитет, отличающий одну семью от другой. Поведенческий стереотип передается каждому члену семьи как культурная норма, закрепляется в сознании индивида и даже может передаваться по наследству. Эти стереотипы бывают достаточно сильными, и объясняется это тем, что в основе духовных ценностей лежит определенный набор предметов, символов, ощущений и впечатлений, которые в сознании каждого члена семьи как носителя ее духа и культуры связаны с общим укладом жизни семьи, с той гаммой чувств и нравов, которые формируются в семье. Семейные и фундаментальные общечеловеческие ценности, воплощаясь в личности, выступают внутренним стержнем человека, своеобразным культурным тезаурусом, и, будучи их носителем, личность транслирует их социуму. А поскольку семья сегодня переживает не лучшие свои времена, она становится, а в некотором смысле слова уже стала, транслятором в общество людей с нарушенной психикой, ослабленным здоровьем, предпочитающих беззаботный образ жизни. В последнее время все заметнее обнаруживается тенденция сокращения пространства подлинной культуры семьи и семейного влияния в угоду массовой культуре и другим ей подобным суррогатам. В конечном итоге это способствует усилению криминогенной ситуации в социуме, усилению агрессивности и насилия со стороны членов семей (при этом не всегда и не обязательно это происходит в неблагополучных семьях).

Таков тайный язык «мирочувствования» (О. Шпенглер) нашей культуры и духовности, выраженный в пространственных образах. Все это ведет к раздвоению пространства, а говоря словами нашего соотечественника П. А. Флоренского, к его искривлению. Кривизна пространства, утверждал философ, есть «...силовое поле вещей – совокупность сил данной области, определяющих своеобразие нашего... опыта... Пространство есть начало, объединяющее силовые

центры, то есть дающее возможность развернуться силовому полю»¹⁴. В противном случае пространство как бы сворачивается, а на его месте разворачивается ментальная мгновенная формализация, в которой человек начинает концентрироваться на самом себе или выявлять себя в другом, пытаясь ориентироваться в пространстве. Но ориентации не происходит, так как пропадает процесс выражения себя через пространственные реалии, которые на данный момент отсутствуют в наличии: если одна из двух пространственных крайностей (реалий) исчезает, то пространство как бы деформируется и из духовного явления переходит в материальное. Другими словами, идеально пространственная дуальность материализуется, переходя в антагонистические противоречия и отчуждения предметов и явлений, а не снимается создающимся пространством.

В это время и происходит процесс заужения и невыражения личности и ее идентификации. Однако процесс формализации и конкретизации чего бы то ни было идет полным ходом, в результате создается иллюзия происходящего единого начала. Поэтому в одном случае пространственное общение ведет к бытию и событию выражения воли, в другом – к небытию своего восприятия в образе своей роли в пространственном общении или поиску своей достаточно узкой и формализованной цели идентификации. Все это сводится к поиску удовольствия, стремлению к власти или обладанию чем-либо или кем-либо, а в конечном итоге – к возрастанию агрессивности или, наоборот, к примитивной рабской психологии. Самое диссонансное и деструктивное, а вместе с тем и дисгармоничное то, что в этом процессе отсутствует самое ценное, что всегда внутренне присуще человеку, – пространство, в котором и заложена возможность реализации себя в нем, а не в другом субъекте отношений; другими словами, субъект лишается возможности создающегося начала. В любом случае, излишняя деформация пространства вообще и культурно-духовного в частности или потеря ощущения пространства ведет к непредсказуемым действиям человека, в том числе и к росту его агрессивности. В этих условиях существенные трансформации претерпевает сознание человека, начинается своего рода кризис индивидуального «Я».

¹⁴ Флоренский П. А. У водорозделов мысли. – М., 1990. – С. 21, 52–53.

В данной ситуации не представляется возможным обойти теоретико-методологические постулаты Г. Гегеля, который благодаря своему природному дару предвидения смог заглянуть в день сегодняшней. Ведь никто не отрицает, что современный духовно-нравственный кризис начался с кризиса индивидуального «Я». Гегель еще двести лет назад для обозначения подобного состояния ввел понятие «разорванного» сознания. «Разорванность» для классика философии – это некая мировоззренческая форма, с необходимостью возникающая и распространяющаяся в переходные исторические эпохи, когда одна система ценностей сменяется другой. Казалось бы, утверждая прописную истину: «“Заштопанный чулок лучше, чем разорванный”»; не так с самосознанием»¹⁵, классик философии обосновывает мысль о том, что если у индивида прямо на глазах разворачивается грандиозный по своему характеру социально-исторический кризис, сопровождающийся радикальными метаморфозами, то его внутренний мир неизбежно, независимо от его воли и желания начнет превращаться в поле взаимодействия различных ментальных, когнитивных и аксиологических противоречий, производных от данной исторической эпохи.

В разорванном сознании Гегель увидел «разорванность» внутреннего «Я», в котором «распалось и погибло все, что обладает непрерывностью и всеобщностью, что носит имя закона, добра и права»¹⁶. Его субъект утрачивает внутренний духовный стержень, теряет точку опоры, исчезают былые абсолюты и устойчивые ценностные ориентиры, сущее лишается своей законосообразности, происходит хаотическое смешение всех прежних понятий. Наибольшую очевидность и определенность активность разорванного сознания обретает в этико-правовой и духовно-нравственной сферах. Реальность перед субъектом предстает в образе развершейся бездны. Образы бездны и хаоса успевают запечатлеться в каждой капле, в каждом атоме сущего. Человек уже не способен противостоять тому, что свершилось. Имморализм, потеря правового и духовного мирозерцания все более зримо начинают проявляться в собственных формах его социального поведения, в том числе в росте насилия, агрессивности и жестокости.

¹⁵ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. – М., 1973. – Т. 2. – С. 548.

¹⁶ Он же. Соч.: в 14 т. – М., 1959. – Т. IV. – С. 277.

Наибольший дискомфорт в такие периоды испытывают люди активные, постоянно готовые к действию, энергоизбыточные, так называемые пассионарии. Они способны изменить окружающее благодаря своим возможностям к напряженным действиям. Л. Н. Гумилев довольно просто объясняет связь между пассионарностью и поведением: у людей как живых организмов энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если организм человека способен выбрать из окружающей среды энергии больше, чем необходимо, то человек формирует отношения с другими людьми, которые позволяют применить эту энергию в любом направлении: от создания новой религиозной системы и научной теории до более кардинальных изменений. Пассионарность отдельного человека может сопрягаться с любыми способностями: высокими, средними, малыми; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой психической конструкции; не имеет отношения к этике, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушения, благо и зло, исключая равнодушие¹⁷.

Креативность познания возрастающей агрессивности человека не может быть обеспечена не только вне пространственных, но и, как было сказано выше, вне временных рамок. При этом важно иметь в виду тот факт, что поскольку речь идет о нарастающей агрессивности субъективного начала, то нас в первую очередь интересует не только и не столько социальное, биологическое, геологическое и т. д., сколько субъективное время, имеющее самое непосредственное отношение к субъекту познания – человеку.

Время, как и пространство, также претерпевает сегодня существенные трансформации. Если на ранних этапах общественного развития ритмы социальных процессов были замедленными, то уже в условиях Нового времени линейно направленное историческое время характеризуется ускорением развития всей системы социальных процессов. Еще в большей степени это ускорение свойственно для современной эпохи. Беспрецедентное ускорение (убыстрение) исторического и социального времени происходит с развертыванием технологической и промышленной революции, в процессе урбанизации и индустриализации, а затем научно-технической

¹⁷ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 33.

революции второй половины XX в. Многие феномены повседневного бытия, такие как модели экономического и социального развития, состояние общественного мнения, показатели экономического роста, изменения глобализационных процессов и т. д., устаревают, теряют свою актуальность настолько быстро, что человек не только не успевает за ними, но и теряет среди них свои жизненные ориентиры, способность определять свое место в огромном потоке трансформационных процессов.

Если смыслом научно-технологического и социального прогресса является выигрыш времени, то проблемное поле характеризуется постоянно растущей нехваткой времени, которое словно сжимается, ускоряя темп жизни человека. Настоящее в таких условиях быстро устаревают, а время становится хаотическим чередованием не связанных между собой отрезков, теряет свою непрерывность. Как отмечает Г. Башляр, «...время больше не течет, оно извергается. Перемены настолько грандиозны и стремительны, что прошлое и будущее как бы слились в настоящем, которое также быстро устаревают»¹⁸.

Известно, что история Древнего мира насчитывала 2–3 тысячи лет, Средние века – тысячу лет, Новое время – 300 лет, а Новейшая история – всего 100–150 лет. Историческое время сегодня уже не может больше сокращаться, в принципе, оно ограничивается продолжительностью жизни человека. Те изменения, которые, например, в Средние века происходили за тысячу лет, в наше время происходят за смену одного поколения (25–30 лет). Вместе со сменой поколений, а это всегда был болезненный процесс, происходит и смена ценностей, представлений об окружающем мире. Стремительность и быстрота перемен в современном мире испытывают возможности человеческой адаптации, равно как и возможности понимания происходящих событий. Это, в свою очередь, влечет за собой нарастающее ощущение утраты контроля над жизнью. Беспокойство рождает страх, переходящий в гнев, побуждающий к агрессии и насилию. Говоря словами Л. Сенеки (младшего), «всякая жестокость происходит от немощи».

¹⁸ Цит. по: Гаджиев К. С. Этюды о тоске человека по вечности // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 7–8.

Небывалых темпов достигает и эволюция самого человека. Если считать, что *Homo sapiens* появился примерно сто тысяч лет назад, то человек – строитель государства – восемь тысяч лет назад, «человек науки» – 400 лет назад, «человек техники» – 100 лет тому назад, а «человек электроники» – едва ли 45 лет назад¹⁹.

В таких условиях человек лишается возможности ощущать время, жить и творить во времени. Время оказывается предоставленным самому себе, в результате оно стремительно набирает скорость, а на скорости человек не успевает ни думать, ни чувствовать – он автоматизируется, при этом не столько в том, что человек становится машиной, а в том, что, зная об этом, он или отрицает этот факт, или отрицает его как реальность. Можно сказать, что человек больше не может управлять собой, им управляет машина и различного рода социальные и природные обстоятельства.

Современный человек живет днем сегодняшним, он не мечтает о будущем, он не видит себя в будущем. Еще в начале прошлого века О. Шпенглер говорил о закате Европы, сегодня европейская цивилизация, перейдя к очередному этапу стагнации, по многим жизненным параметрам лишилась будущего. Подтверждением тому могут служить расчеты Э. Тоффлера. По его мнению, 70 % населения Земли живет в прошлом (разном прошлом), 25 % – в настоящем (в современном) и лишь 3 % – в будущем. Остальные вообще выпадают из всякого времени – это просто маргиналы²⁰. Даже глядя на эти цифры, можно сказать: человек утрачивает веру в себя, в реализацию своих возможностей, не видит смысла своей жизни. Это ведет к тому, что человек отпадает от морали, теряет себя и уже не возвышается над собой, а опускается все ниже и ниже, даже ниже самого себя. В конечном итоге человек теряет и способность адекватно оценивать действительность, проявляет беспринципность, невзыскательность, его одолевает стихия вульгарности, которая поглощает все, что делает человека человеком.

В осмыслении культурного времени наблюдается тенденция разрушения смыслового единства между прошлым, настоящим и будущим, а также усиления различий в глубине осознания времени и характера происходящих изменений в современном обществе.

¹⁹ См.: Day W. *Genesis of Planet Earth: The Search for Lifes Beginning*. – Cheshire, 1981.

²⁰ См.: Тоффлер Э. *Футурошок*. – СПб., 1997. – С. 31.

Если в начале XX в. в качестве ведущих выступали социальные противоречия, то к концу этого же столетия на первый план выходит сфера межэтнических, межнациональных и межконфессиональных отношений. В связи с этим не без помощи научного сообщества социально-гуманитарной направленности в обязательный идеологический ассортимент вошло такое понятие, как «толерантность». Именно в толерантности многие исследователи, в том числе и философы, усматривают как панацею от всех бед, так и ключ к разрешению конфликта культур и идентичностей. Порой создается впечатление, что стоит только всем усвоить соответствующую установку, и в обществе воцарится гармония. Вне всякого сомнения, здесь заложена некоторая упрощенность и даже наивность в понимании проблемы. «Толерантность – это концепт с “вялой” психосемантикой, реально очень часто означающий лишь безразличие или даже снисхождение к иному. Поэтому сама по себе толерантность исключает взаимодействие культур, без чего между ними невозможно установить отношения диалога»²¹.

Нельзя забывать и о том, что толерантность – это ключевой нравственный принцип гражданского общества. Роль толерантности особенно возрастает в так называемые переходные периоды, в условиях трансформационных процессов, которые в настоящее время охватили все сферы жизни общества. В то же время нельзя сводить толерантность к абсолютизированной терпимости, которая «открывает путь произволу и насилию... толерантность ни при каких обстоятельствах не должна оборачиваться попустительством злу, терпимостью по отношению к посягательствам на свободу человека и его нравственное достоинство»²².

Из практики межэтнических отношений нельзя исключать и другие подходы, которые могут и должны строиться на исконных, традиционных российских ценностях, важнейшими из которых всегда были любовь и уважение. Это в полной мере соотносится и с православной традицией. Надо постоянно иметь в виду, что в силовом поле конфликтов глобализации человек испытывает ог-

²¹ Андреев А. Л., Лекторский В. А., Кузьмин М. Н. и др. Проблема идентичности в трансформирующемся российском обществе и школа // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 178.

²² Валитова Р. Р. Толерантность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 76.

ромные физические, духовные и психологические перегрузки. В результате мы нередко имеем дело со вспышками агрессивности и насилия, с обвинением друг друга в порой надуманных и не имеющих права на существование домыслах и непроверенных фактах.

Все изложенное свидетельствует о том, что пространственно-временной континуум осмысливается сегодня как важный принцип, как условие восхождения любой науки – в том числе и философии – на уровень концептуально-методологической системы. А потому весьма своевременной представляется постановка вопроса о возможности его включения в исследование возросшей агрессивности человека. Чтобы спасти человеческую сущность, находящуюся в ситуации XXI в. на грани гибели, как справедливо говорил К. Ясперс, мы должны постоянно обновлять свою связь с осевым временем и возвращаться к его «изначальности», подыскивая для неизменно утрачиваемой и вновь обретаемой истины все новые и новые «шифры».